

ИСТОРИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

М.В. Воробьев

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ФИЛОСОФИИ РУССКИХ НЕОКАНТИАНЦЕВ

Аннотация. В статье исследуется практическая философия русских неокантианцев П. И. Новгородцева, Б. П. Вышеславцева, Б. А. Кистяковского и А. Л. Саккетти с целью выявления отношения авторов к проблеме насилия. Автор статьи стремится обозначить содержание проблемы насилия, прояснить специфику неокантианского отношения к ней через анализ текстов русских неокантианцев. В качестве дополнительной задачи автор так же рассматривает вопрос о соотношении неокантианской проблематики насилия к соответствующим взглядам И. Канта. Для решения этих задач используются традиционные для историко-философских исследований дескриптивный и компаративный методы, а также метод интеллектуальной реконструкции для получения относительно целостного представления о позициях указанных философов. В ходе исследования выясняется, что в своих работах русские неокантианцы затрагивают три вида насилия: правовое принуждение – здесь неокантианцы обсуждают вопросы гарантий правомерности принуждения и его условий; внеправовое (революционное) насилие, по отношению к которому неокантианцы занимают критическую позицию; и внешнеполитическое насилие (война) – в этом отношении формулируется установка на преодоление. Главный путь в устранении негативных последствий социальных антагонизмов, имеющих в человеческом обществе, русские неокантианцы видят в реализации правового идеала, воплощаемом в правовом государстве, что сопоставимо с кантовской позицией.

Ключевые слова: П. И. Новгородцев, война, революция, правовое принуждение, практическая философия, проблема насилия, русское неокантианство, П. Б. Вышеславцев, Б. А. Кистяковский, А. Л. Саккетти.

Abstract. This article examines the practical philosophy of the Russian Neo-Kantian scientists P. I. Novgorodtsev, B. P. Vysheslavtsev, B. A. Kistyakovsky, and A. L. Saketti, for the purpose of determination of their attitude towards the problem of violence. The author attempts to designate the content of the problem of violence, clarify the specificity of the Neo-Kantian relation to it through the analysis of the texts of Russian Neo-Kantians. As an additional task, the author also explores the question on correlation between the Neo-Kantian problematics of violence and the corresponding views of I. Kant. During the course of this research it has been determined that the Russian Neo-Kantian scholars in their works touch upon three types of violence: legal compulsion, in which Neo-Kantians discuss the question of guarantees of legitimacy of compulsion and its conditions; extralegal, towards which Neo-Kantians hold a critical position; and foreign policy violence (war) – in this regard, the orientation towards overcoming is being formulated. The Russian Neo-Kantians believe that the main path in elimination of negative consequences of the social antagonisms that are present in human society lies in realization of the legal ideal, embodied in a legal state, which can be compared to Kant's position.

Key words: Russian Neo-Kantianism, problem of violence, practical philosophy, legal compulsion, revolution, war, Kantians.

Русские неокантианцы никогда не ставили себе задачу специального исследования феномена насилия, но не могли обойти стороной вопросы, связанные с ним. Отчасти это было вызвано самой эпохой, в которой им довелось

жить и работать, – эпохой проявления самых разных форм насилия над человеческой личностью. Русские неокантианцы были свидетелями, а некоторые и участниками двух революций и Первой мировой войны [2, 4, 9], под влиянием которой в

«Человек в истории и культуре: философско-антропологические и философско-исторические концепции русского неокантианства»
при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-03-00831а)

умах европейских (и российских) мыслителей возникли разного рода предчувствия дальнейших катастроф – именно в это время Освальд Шпенглер пророчествовал о закате западного мира. Исследования неокантианцев неизбежно должны были коснуться тем, традиционно ассоциируемых с проблематикой насилия.

Проблема насилия всегда интересовала философов, однако вызывала у них и значительные трудности. Так, например, сложности возникают уже при попытках ясно и отчетливо зафиксировать содержание этого понятия. Это, вероятно, объясняется тем, что по своему существу феномен насилия противостоит философии как форме рационального мышления. Мыслить о насилии философски – задача не только и не столько дескриптивная: речь идет о необходимости вскрыть глубинную структуру этого феномена во всем многообразии его связей с другими явлениями.

Ввиду сказанного не вызывает удивления тот факт, что по мере конкретизации понятия насилия в рамках философского дискурса объем этого понятия значительно увеличивается, выходя далеко за пределы явленности в виде физического принуждения. Оказывается, что насилие пронизывает все сферы человеческого существования, и с определенного момента мыслить насилие – значит, обнаруживать его скрытым в структуре иных феноменов. Хотя такое обнаружение, в конце концов, расширяет наше представление о мире и человеке и уже тем самым так или иначе легитимирует феномен насилия, все же приобретаемая вместе с тем готовность видеть во всем насилие не может не нести с собой определенные издержки, выражением которых, например, может стать введение понятия «ненасильственного насилия» с чрезвычайно размытыми границами. Не менее проблематичным может оказаться и параллельно присутствующая тенденция рассматривать насилие, предельно ограничивая область определения этого понятия рамками сугубо физическими: нанесением физического вреда индивиду или группе индивидов. В таком случае целый массив связей и коннотаций теряется, и понятие, как и мысль, стоящая за ним, становится философски «нищей».

Учитывая сказанное, представляется необходимым сфокусировать внимание на проблеме социального насилия как философски наиболее релевантной для неокантианства перспективе рассмотрения этого феномена, причем в его сложном политико-правовом контексте и, следовательно, трех наиболее отчетливых формах – легального насилия, войны и революции. При этом следует придерживаться методологического разделения

насилия на правовое и внеправовое, массовое и индивидуальное. С историко-философской точки зрения необходимо сопоставить в тех случаях, где это возможно, позиции русских неокантианцев с позицией И. Канта. Н. А. Дмитриева, суммируя позиции различных исследователей неокантианской философии в отношении того, какие общие черты отличают неокантианство «от кантианства младших современников Канта и так называемых “послекантовских” идеалистов», показывает, что для неокантианца Кант историчен: мысль Канта невозможно продолжать непосредственно, опираясь на «букву» его учения; поэтому философствование неокантианцев «в духе Канта» есть стремление выстроить собственные системы [3, с. 104-105]. Соответственно, можно определить насколько в рассмотрении проблематики насилия неокантианцы остаются кантианцами, т. е. продолжают линию Канта, и насколько они – неокантианцы, т. е. насколько Кант в этом вопросе для них историчен, и как далеко они «выходят за его пределы».

Проблема легального насилия

Рассмотрение проблемы легального насилия, или, другими словами, правового принуждения представляется исходным пунктом для решения вопроса о социальном насилии вообще. Понятие права – ключевое понятие многих русских неокантианцев, работавших в сфере практической философии, но только у Б. А. Кистяковского можно обнаружить мотив о совершенно уникальной роли права, граничащей с мессианской. Такая точка зрения хоть и может показаться романтической, но для нее у Кистяковского есть рациональные основания. Правовой оптимизм Кистяковского в чем-то схож с оптимизмом Канта – это своеобразная форма реалистического оптимизма. При этом в отличие от другого русского неокантианца, Б. П. Вышеславцева, Кистяковский не стремится обосновать единство права и морали. Право для Кистяковского является универсальным средством решения проблем отношений между людьми и странами и не зависит от добродетельности его субъектов, «так как право в отличие от нравственности по преимуществу рассчитано на несовершенство человеческой природы» [7, с. 567].

Кистяковский, признавая неправовое происхождение государства и вообще раздельное и независимое происхождение права и государства [7, с. 555], считает «право не первоначальной, а финальной причиной государства» [8, с. 47], так как суть исторического развития такова, что власть, прежде «физически насильственная», превраща-

ется в «психически воздействующую» [8, с. 88]. Поэтому в своей критике теории власти С. А. Котляревского Кистяковский оспаривает отчуждение государственной власти как организованной силы от права. По убеждению Кистяковского, современное правовое государство являет собой результат последовательной эволюции государственной власти в направлении все большей зависимости от права: «В законченном развитом правовом государстве сильная власть и есть власть чисто правовая...» [7, с. 567].

Согласно Кистяковскому, за явным проявлением социально-политического насилия скрыто желание утвердить тот или иной правовой принцип. Социальный антагонизм – момент борьбы – был и есть в отношениях между государствами и людьми, но это именно момент в историческом смысле. Несмотря на то, что и сегодня существует склонность к решению внутренних и внешних государственных конфликтов с помощью насилия [7, с. 557-558], Кистяковский убежден, что «приближается время, когда все вообще государственные конфликты, как внутренние, так и внешние, будут решаться только правовыми путями, только на основе уже действующих правовых норм и посредством выработки новых. Тогда окончательно исчезнут все неправовые насильственные способы решения государственных вопросов, – как революции, захваты власти и тому подобные нарушения прав» [8, с. 47].

В своих поисках правовых путей решения социальных конфликтов русские неокантианцы пришли к пониманию необходимости расширять сферу публичного права за счет таких публичных прав личности, как право на достойное человеческое существование и право на труд. В пользу этого в статье «О праве на существование» отчетливо высказывается П. И. Новгородцев. Для него признание этих прав – «один из тех обычных переходов нравственного сознания в правовое, которыми отмечено прогрессивное развитие права» [12, с. 3]. Кистяковский солидарен в этом вопросе с Новгородцевым, полагая, что в социалистическом правовом государстве будущего сфера публичных прав должна быть значительно расширена. Но Кистяковский ставит вопрос радикальней, чем Новгородцев: не произойдет ничего плохого, если тем самым будет ограничено частное право. Новгородцев же допускает ограничение прав на частное владение собственностью, но ставит эту проблему лишь с юридической точки зрения – для него важен статус этих прав как субъективных (т. е. гражданских прав).

Б. П. Вышеславцев в неокантианский период своего философского творчества в диссертацион-

ной работе, посвященной этике И. Г. Фихте, также обращается к вопросу правового принуждения. Но прежде чем перейти к анализу взглядов Вышеславцева по этому вопросу, необходимо прояснить проблему методологического характера: проблему отделения оригинальных идей Вышеславцева от идей немецкого философа. Исследовательский подход самого Вышеславцева подразумевает диалог с Фихте, заключающийся в том, что русский неокантианец в ключевых моментах ставит к фихтевским текстам актуально-современные вопросы. В самих вопросах и в том, выражает ли Вышеславцев (не)согласие, критикует ли точку зрения Фихте, можно усмотреть его отношение к конкретным фихтевским идеям, а это в свою очередь позволяет реконструировать позицию самого Вышеславцева.

Так, следуя за мыслью Фихте, Вышеславцев отмечает, что вопрос о правовом принуждении приводит нас к необходимости государственной власти. Только она способна обеспечить, во-первых, организованное принуждение – это необходимое условие для обеспечения принуждения силой, и правомерность такого принуждения гарантирована; во-вторых, дать основание для объективного суждения о факте и степени нарушения права, а также – определить меру принуждения. Собственно, правовое принуждение как определенное правоотношение возможно только тогда, когда «обе стороны передадут свою силу и свое право судить третьему лицу, которое должно превосходить их силою» [1, с. 403].

Когда Вышеславцев рассматривает механизм правового принуждения, то фактически говорит о существовании этого явления: это «есть не физическое, а психическое принуждение» [1, с. 404], но при условии правонарушения должно применяться с «механической необходимостью». Оставаясь в рамках кантианской традиции, Вышеславцев в связи с правовым принуждением поднимает и тему отношения права и нравственности. Это отношение выражается в противоречии механической принудительности права и автономии нравственного сознания, т. е. свободы личности – это противоречие присутствовало еще у Канта. Русский неокантианец критически относится к разграничению морали и права. Если такое разграничение будет проведено достаточно последовательно, его следствием, по мысли Вышеславцева, станет «этический анархизм». Сам Вышеславцев отстаивает позицию, в соответствии с которой право и мораль соотносимы как «возможность к действительности», и стремится «обосновать их единство под знаком идеи блага» [15, с. 321]. Далее, вслед за Фихте и Гегелем Вышеславцев не видит в правовом принуждении

умаления свободы, но, напротив, утверждение ее, коль скоро автономия нравственного сознания не нарушается, а лишь пресекается ее нарушение со стороны злонамеренной воли [1, с. 406].

Сходную проблему поднимает П. И. Новгородцев в своей работе «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве», но и постановка проблемы, и ее решение существенно отличаются от тех, что предлагает Вышеславцев. Новгородцев считает своим долгом защитить кантианскую позицию указанием на то, что понятие права у Канта имеет черты, отличительные для его философской системы в целом. Новгородцев пишет о Канте: «Подобно тому как в этике он ищет чистой нравственной воли в ее общем и формальном определении, так и здесь он хочет установить чистое и отвлеченное понятие права, определенное в его собственных средствах» [10, с. 122]. Таким образом, разграничение и независимость права от нравственности и, следовательно, от доброй воли индивида носит у Канта исключительно формальный характер.

Но что будет, если правовое принуждение станет инструментом в руках волюнтаристической государственной власти? Ведь тем самым будет подорвана сама идея права. Как можно гарантировать правомерность власти? На этот счет у Фихте и Вышеславцева есть несколько соображений, одни из которых опираются на доктрину Ж.-Ж. Руссо о разделении властей, гарантии прав гражданина и принципе народного суверенитета; другие расходятся с взглядами Руссо, согласно которым (в интерпретации Вышеславцева) «гражданское состояние» делает человека вполне человеком» [1, с. 409], и полагают в качестве высшей ценности индивидуальную свободу, ради охраны которой «заключается общественный договор; она и составляет самое важное и ценное в каждом, “человечество” в отличие от “гражданства”...» [1, с. 408].

Проблема революции как внеправового социального насилия

К проблеме внеправового социально-политического (т. е. революционного) насилия русские неокантианцы приходят через критику концепции революционного насилия французского анархо-синдикалиста Жоржа Сореля, изложенной в его книге «Размышления о насилии» (1906 г.). Кистяковский видит взаимосвязь между концепцией Сореля и теориями, в которых государство предстает как «организация силы», а современное возникновение запроса на теорию насилия он характеризует следующим образом: «Однако постепенное превращение современного конституционного го-

сударства в чисто правовое подрывает ту почву, на которой основываются теоретики силы и насилия. Оно поставило и перед революционерами вопрос об оправдании революционных методов[,] или об оправдании насилия» [7, с. 569]. Благодаря критике позиции Сореля становится более очевидным сходство позиции Кистяковского и Канта. Так, русский неокантианец пишет: «Исходный и основной аргумент, приводимый в пользу государства и для оправдания его, и до сих пор заключается в выставленном когда-то еще Гоббсом положении, что государство устраняет войну всех против всех. Но теперь для всякого должно быть ясно, что война всех против всех устраняется пока государством только временно и фактически, а не в принципе. Окончательно и принципиально она будет устранена только тогда, когда все элементы государственной власти вполне проникнутся правом, и сила, которую представляет из себя государство, будет чисто правовой силой» [7, с. 571]. Эта цитата интересна тем, что в ней Кистяковский в оппозиции «Гоббс – Кант» оказывается ближе к последнему.

Несколько иначе осуществляется критика революционного насилия у П. И. Новгородцева. Сорель, утверждает Новгородцев, «пытается определить те нравственные условия, при которых осуществление идеального социалистического строя явилось бы возможным» [11, с. 453], а насилию в виде всеобщей стачки вообще «придается какое-то чудодейственное значение» [11, с. 452] и спасительная роль [11, с. 454]. Единственное отношение к государству, которое допускает Сорель – «непримиримая вражда» [11, с. 457]. Буржуазное государство есть воплощение подавляющей силы, которой пролетариат должен противопоставить насилие. Такое различие представляется Новгородцеву терминологической путаницей. Тем не менее эту позицию, которую вслед за Сорелем принимает весь французский синдикализм, Новгородцев считает более «прочной и единственно последовательной» по сравнению с позицией немецких социалистов [11, с. 457-458]. Несмотря на предпринятую критику, Новгородцев отмечает и положительные черты синдикализма, которые представляются ему выражением важной современной нравственной тенденции. Так, в синдикалистском корпоративизме он усматривает «не узкие материальные выгоды, а нравственное освобождение личности рабочего от стоящей над ним иерархии, от произвола и гнета принудительной власти хозяев» [11, с. 463]. Однако Новгородцев полагает, что «профессиональный федерализм не может привести к устранению единого и общего права, властно возвышающегося над всеми» [11, с.

464], а значит противоположность, которая устанавливается синдикалистами между профессиональным федерализмом, народным суверенитетом и государственным единством может (и должна) привести к «высшему синтезу, а не взаимному исключению».

Критику концепции Сореля Новгородцев проводит в рамках более общей задачи – критики социалистической теории, эталоном которой он считает марксизм. Марксистский социализм Новгородцев требует признать «самым настоящим и притом единственно настоящим социализмом», так как только социализм К. Маркса становится «самостоятельным мирозерцанием и всеобъемлющей основой для всех проявлений жизни и мысли» [11, с. 427-428]. Согласно Новгородцеву, Маркс задал для социалистической мысли горизонт полагания целей и средств их достижения. Это означает, что именно понятийный каркас марксизма сформировал рамки для осмысления проблем социализма и капитализма для последующей социалистической традиции – те рамки, сущность которых более всего подходит под определение исторических, и которые, поэтому, рано или поздно придется превзойти. Революционный синдикализм при этом есть «необходимое органическое звено диалектически завершающее эволюцию марксизма» [11, с. 433]. Так, если революционный синдикализм враждебно настроен по отношению к государству, то это только потому, что это линия, едва обозначившаяся в марксизме, получила в синдикализме свое логическое завершение: «Классовая теория государства с завершающей ее утопией безгосударственного состояния объявляет себя прямой антитезой теории правового государства» [11, с. 366]. Из враждебного отношения марксистской теории к самой идее государства можно вывести оправдание насилия против государства. Абсолютный социализм находил свое высшее подтверждение в грядущем социальном перевороте, и теория социального крушения, уносящего в прошлое весь существующий государственный строй, являлась, поэтому, его естественным завершением. Но как в таком случае расценивать примирительные высказывания позднего Ф. Энгельса о легальной политической борьбе в рамках буржуазного государства? Не являются ли они отступлением от подлинного содержания марксизма? Новгородцев полагает, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательный. Комментируя высказывания Энгельса относительно невозможности победы революции 1848 г., Новгородцев приходит к выводу, что из научных предпосылок марксизма следует вынести не только «реалистическую мудрость», что социальная рево-

люция не может осуществиться ввиду недостаточности общего уровня экономического развития, но более того, «принимая это положение, следует сказать, что не только в 1848, но вообще ни в каком году совершить социальное преобразование посредством насилия не удастся» [11, с. 333-334]. Этот комментарий к Энгельсу наилучшим образом демонстрирует отношение Новгородцева к революционному насилию. Что же касается Сореля, то, несмотря на марксистскую риторику и стремление следовать революционному содержанию марксизма, его теория теряет связь с фундаментом исторического марксизма, которым была, согласно Новгородцеву, наука. Это же, в частности, выражается еще и в том, что Сорель совершенно отрицает идею прогресса.

Не принимая насильственных средств решения социальных проблем, Новгородцев, тем не менее, не отрицает факта наличия этих проблем, как это, например, было характерно для некоторых представителей так называемого «классического либерализма». Но путь решения социальных проблем Новгородцев видел в мирном преобразовании государства по направлению к правовому идеалу.

Война как внешнеполитическое насилие

Проблема войны стала для русских неокантианцев, равно как и для их немецких коллег вызовом, потребовавшим мобилизации всех теоретических сил, и одновременно проверкой на верность духу кантовского учения [2, 4]. С точки зрения права к этой проблеме обратился А. Л. Саккетти. В отличие от большинства неокантианцев Саккетти не поддерживает теорию общественного договора, что позволяет ему подойти к осмыслению тех причин, которые лежат в основании внешнеполитического насилия.

Как писал Б. П. Вышеславцев в своей диссертации, «красота и сила договорной теории права и государства, так ярко выступающая у Руссо, Фихте и Канта, состоит, в том, что идея договора скрывает рациональную природу права. Договор предполагает диалог, диалектическую трудность, разрешенную обоюдными усилиями разумных существ, предполагает разумное слово (логос), обращенное к каждому и выражающее норму, как найденное решение» [1, с. 400]. В рации открывается соответствие формы договора форме справедливости и правды. Но при этом, отмечает Вышеславцев, у рационалистов речь идет не о факте, а об идее, «лежащей в основе права, присутствующей во всяком праве» [1, с. 400-401]. Поэтому задача критиков рационалистической теории права состоит в

том, чтобы указать «на *иррациональные* элементы в праве и государстве» [1, с. 401]. Именно поиском таких элементов и озабочена историческая школа права, на положения которой опирается Саккетти в своем исследовании проблемы войны.

Изначальная позиция исторической школы права (Г. Гуго, Ф. К. Савиньи, Г. Ф. Пухта, К. Ф. Эйхгорн, Р. Иеринг и др.) оформилась в противостоянии концепции естественного права. Историчисты не принимают идею общественного договора как источника права и критикуют ее за абстрактность. Так, идейный предтеча школы Г. Гуго полагал, что общественный договор не имеет выражения в реальности и не приложим на практике, поэтому необходимо искать исток права в нравах и обычаях народа. Взамен общественного договора историчисты пытаются основать право на сформулированном Савиньи понятии «народного духа». Саккетти называет такую позицию «социальной метафизикой» и противопоставляет ее натуралистическим течениям социально-правовой мысли, так как «народный дух» есть, по сути, «народное сознание», понимаемое как «некоторая сверхпытная сущность» и выступающее как источник культуры народа в целом и права в частности [14, с. 33].

Подобно представителям исторической школы права, Саккетти усматривает в народном сознании наличие иррационального. Это иррациональное выражает «саму сущность народной индивидуальности» и «находится за пределами рационального познания» [13, с. 9]. Именно в это пространство иррационального Саккетти помещает и революции, и войны: «Таинственная бездна, из темных глубин которой непостижимым образом возникают и светлые, лучезарные образы, и грозные, мрачные чудовища; творчество новых форм быта и стихийные разрушительные бедствия, восстания, возмущения, войны» [13, с. 10-11]. Соответственно, война, выводимая из иррационального начала есть «непостижимый факт», существующий вопреки всем доводам разума о ее безнравственности, несправедливости, преступности и экономической убыточности [13, с. 11]. Тем не менее, в реальном историческом процессе устанавливается внешнее отношение между иррациональностью источника войны и рациональностью, воплощением которой является право: даже в войне как «области проявления стихийных сил» «право стремится регулировать, расширить пределы рационального космоса и ограничить применение средств и способов взаимного истребления» [13, с. 14-15]. В пример Саккетти приводит Женевские (1864, 1906 гг.) и Гаагские конвенции (1899, 1907 гг.), которые были призваны регламентировать различные аспекты

ведения войны и выработать механизмы мирного решения конфликтов. Хотя «настоящая война показала всю непрочность подобных преград» (доклад, в котором Саккетти излагает эти идеи, состоялся 19 февраля 1915 г., т. е. Мировая война уже шла полным ходом), Саккетти все же свойственен кантовский оптимизм в отношении будущего, ведь «история показывает, что эпохи глубочайшего падения международных нравов сменяются временами расцвета международного права» [13, с. 15].

Стоит заметить, что выведение войны из иррациональности индивидуальной сущности народов до определенной поры устраняет момент политического из рассуждения. Политико-правовой контекст снова актуализируется, когда Саккетти обсуждает возможность вечного мира и условия его оформления. Забегая вперед следует сказать, что делает он это в отчетливо кантовском духе. Прежде всего его заботит вопрос: не противоречит ли на практике идея единого человечества идеям национальности и государства? Каким образом должно быть оформлено единство человечества: на национальной почве или на основе государственного принципа? Какой вариант более желателен, если они все представляются возможными? Саккетти практически сразу отбрасывает объединение на национальной основе, так как это единство «возможно либо в виде подавления и упразднения других народностей за исключением единой господствующей, либо в виде поглощения их одной народностью или слияния нескольких воедино» [13, с. 13]. Он приходит к выводу, что государство «как воплощение права» и, значит, «носитель универсализма» удачнее сочетается с универсальными же началами свободы и равенства, идеей космополитизма как вселенского гражданства [13, с. 14]. В отношении «организации мировых межгосударственных отношений» Саккетти проявляет солидарность с идеалом федерализма, который является одним из ключевых моментов кантовской политико-правовой философии и в котором возможно совмещение принципов права и свободы для государств [13, с. 54], и признает наиболее целесообразной формой для единения человечества «конфедерацию». Но и здесь, памятуя о выявленной иррациональности народной жизни, Саккетти проявляет осторожность и прозорливость, когда замечает, что «такая организация человечества», как конфедерация, «не может притязать на незыблемость» [13, с. 15].

Проблема насилия, а вернее, оснований для социального раздора снова всплывает у Саккетти, когда он стремится прояснить отношение между народом и государством. «Народность и государ-

ство неудержимо тяготеют друг к другу», но в форме их отношения содержится угроза насилия и угнетения в том случае, если государство начинает отстаивать интересы только одной национальности [13, с. 11]. Это, согласно Саккетти, можно трактовать как первый фактор общественного раздора. Второй фактор раздора – борьба экономических классов и связанная с ней сфера политики. Когда речь заходит о началах современной политической доктрины государства, Саккетти вслед за Ж.-Ж. Руссо определяет их так: «верховенство, свобода, равенство». Политическая свобода, согласно Саккетти, – это «независимость от посторонних начал и возможность определяться в своих поступках собственными внутренними побуждениями». Равенство же – это «условие осуществления свободы и означает равную меру участия в социальном космосе государства (равное участие в господстве, равенство в подчинении власти государства)» [13, с. 12]. Обязанность государства по отношению к народности, коль скоро оно развивается органически, заключается в создании здоровых условий «нормальной национальной жизни, которые сводятся к проведению тех же начал свободы и равенства» и ограничению избыточных притязаний «одной какой-либо народности на исключительное господство в ущерб другим» [13, с. 13]. Правда, при этом Саккетти осторожно отмечает, что «все это – отвлеченная теория» и ввиду иррациональности народного духа «всё зависит от опытности и, главное, от политического такта, чутья правящих лиц» в реальных политических процессах [13, с. 13].

Необходимо отметить, что взгляд на массовое насилие как продукт иррационального начала в обществе нетипичен для русских неокантианцев. Упоминание о стихии «народного духа» можно обнаружить в другом тексте Саккетти «Право и наука права», но там в отличие от «Государства и народности» автор ограничивается просто изложением этой идеи, отчетливо позиционируя ее лишь как одну из имеющихся в правовой науке. Приходится признать, что на основании доступных текстов Саккетти не представляется возможным точно определить, насколько он сам разделяет позицию исторической школы права в этом вопросе.

Заключительные замечания

В заключение, резюмируя результаты проведенного исследования, следует подчеркнуть, что проблема насилия в рассмотренных работах русских неокантианцев неизбежно оказывается связанной с правом и тематизируется в трех направлениях: обсуждение вопросов, связанных с правовым при-

нуждением; критика внеправового (революционного) насилия; установка на преодоление внешнеполитического насилия. Таким образом, русские неокантианцы не ограничиваются только критикой насилия; для них оказывается так же важным определить правовые основания для решения назревших социальных проблем, для урегулирования антагонизма интересов на внутри- и внешнегосударственном уровне. Новгородцев, Кистяковский и Саккетти видят в этом особую конституирующую роль права и его практического воплощения – правового государства. Несколько отличается в этом отношении позиция Вышеславцева: для него важно обосновать принципиальное единство права и нравственности, которое он надеется осуществить при посредничестве идеи «блага».

По результатам исследования представляется возможным очертить диапазон оценок, сформулированных русскими неокантианцами по отношению к разным видам насилия. В целом эти оценки негативные, варьируются от умеренно негативных в отношении субстанциализации правового принуждения вплоть до отрицания права на такие крайние формы массового насилия, какими являются войны и революции. Однако их отрицание отнесено в будущее, в настоящем же они признаются неокантианцами как факт, подлежащий преодолению.

Установив точки зрения на насилие русских неокантианцев, представляется также возможным дополнить начатое выше сравнение их позиции с позицией Канта. Отношение Канта к революции часто определяют как противоречивое; закрепилось даже отдельное понятие для описания этого теоретического феномена кантовской философии – «революционный парадокс» [5, с. 32]. Действительно в разных текстах Канта мы можем встретить и категорично выраженное отрицание права народа на восстание против законодательствующей власти [6, с. 309, 311], и некоторую симпатию к Французской революции 1789-1799 гг. [6, с. 102], и даже высказывания о революции как одном из элементов прогресса. У русских неокантианцев такой амбивалентности не обнаружилось. Хотя великие революции прошлого оцениваются ими скорей с положительной точки зрения, но в современных условиях они видят воплощенным то, чего Кант мог только желать, а именно – торжество правовой идеи в форме правового государства. А ведь это было, согласно Канту, одним из условий обеспечения вечного мира! Тем самым неокантианцы окончательно занимают эволюционистскую и реформистскую позицию по отношению к социально-политическим вопросам. Сравнивая позиции по проблемам войны и «вечного мира», следует при-

знать, что позиции Канта и неокантианцев расходятся по содержанию, но не по «духу». Тем самым русские неокантианцы оказываются не столько

кантианцами в этом вопросе, сколько продолжателями Канта, двигаясь «вместе» с ним в русле общей европейской гуманистической традиции.

Библиография:

1. Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. 437 с.
2. Дмитриева Н.А. «Вечный мир» И. Канта на рубеже веков и в период Первой мировой войны // Преподаватель – XXI век. 2014. Т. 1. № 2. С. 46-61.
3. Дмитриева Н.А. «Философия гуманизма и просвещения»: критерии, специфика, проблематика русского неокантианства // Философские науки. 2007. № 1. С. 101-119.
4. Дмитриева Н.А. Философия как наука и мировоззрение: к вопросу о пацифизме в немецком и русском неокантианстве // Логос. 2013. № 2 (92). С. 138-154.
5. Жучков В.А. О так называемом «революционном парадоксе» Канта // Кантовский сборник. 1990. № 1 (15). С. 32-38.
6. Кант И. Спор факультетов // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Под общ. ред. А.В. Гулыги. Т.7. М., 1994. С. 57-136.
7. Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. Ч. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 656 с.
8. Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. Ч. 2. М.: : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 376 с.
9. Михайловский А.В. Два литературных свидетельства о Великой войне // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 106-111.
10. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типических построения в области философии права. М.: Univ. tip., 1901. 245 с.
11. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: «Пресса», «Вопросы философии», 1991. 640 с.
12. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование. Социально-философские этюды. СПб.; М.: т-во М.О. Вольф, 1911. С. 3-13.
13. Саккетти А.Л. Государство и народность // Юридический вестник. 1915 г. Кн. XII (IV). С. 5-16.
14. Саккетти А.Л. Право и наука права // Юридический вестник. 1916 г. № 16. Кн. XVI (IV). С. 5-37.
15. Штольценберг Ю. Право и мораль. Пауль Наторп и интерпретация Борисом Вышеславцевым Канта и Фихте // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. Под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 317-327.

References (transliterated):

1. Vysheslavtsev B.P. Etika Fikhte. Osnovy prava i npravstvennosti v sisteme transtsendental'noi filosofii. M.: Pechatnya A. Snegirevoi, 1914. 437 s.
2. Dmitrieva N.A. «Vechnyi mir» I. Kanta na rubezhe vekov i v period Pervoi mirovoi voiny // Prepodavatel' – XXI vek. 2014. T. 1. № 2. S. 46-61.
3. Dmitrieva N.A. «Filosofiya gumanizma i prosveshcheniya»: kriterii, spetsifika, problematika russkogo neokantianstva // Filosofskie nauki. 2007. № 1. S. 101-119.
4. Dmitrieva N.A. Filosofiya kak nauka i mirovozzrenie: k voprosu o patsifizme v nemetskom i russkom neokantianstve // Logos. 2013. № 2 (92). S. 138-154.
5. Zhuchkov V.A. O tak nazyvaemom «revolyutsionnom paradokse» Kanta // Kantovskii sbornik. 1990. № 1 (15). S. 32-38.
6. Kant I. Spor fakul'tetov // Kant I. Sbranie sochinenii v vos'mi tomakh. Pod obshch. red. A.V. Gulygi. T.7. M., 1994. S. 57-136.
7. Kistyakovskii B.A. Izbrannoe: v 2-kh ch. / Sost., avtor vstup. st. i komment. A.N. Medushevskii. Ch. 1. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. 656 s.
8. Kistyakovskii B.A. Izbrannoe: v 2-kh ch. / Sost., avtor vstup. st. i komment. A.N. Medushevskii. Ch. 2. M.: : Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. 376 s.
9. Mikhailovskii A.V. Dva literaturnykh svidetel'stva o Velikoi voine // Voprosy filosofii. 2015. № 10. S. 106-111.
10. Novgorodtsev P.I. Kant i Gegel' v ikh ucheniyakh o prave i gosudarstve: dva tipicheskikh postroeniya v oblasti filosofii prava. M.: Univ. tip., 1901. 245 s.
11. Novgorodtsev P.I. Ob obshchestvennom ideale. M.: «Pressa», «Voprosy filosofii», 1991. 640 s.
12. Novgorodtsev P.I. Pravo na dostoinoe chelovecheskoe sushchestvovanie // Novgorodtsev P.I., Pokrovskii I.A. O prave na sushchestvovanie. Sotsial'no-filosofskie etyudy. SPb.; M.: t-vo M.O. Vol'f, 1911. S. 3-13.
13. Sakketti A.L. Gosudarstvo i narodnost' // Yuridicheskii vestnik. 1915 g. Kn. XII (IV). S. 5-16.
14. Sakketti A.L. Pravo i nauka prava // Yuridicheskii vestnik. 1916 g. № 16. Kn. XVI (IV). S. 5-37.
15. Shtol'tsenberg Yu. Pravo i moral'. Paul' Natorp i interpretatsiya Borisom Vysheslavtsevym Kanta i Fikhte // Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriei poznaniya i kritikoi kul'tury. Pod red. I.N. Griftsovoi, N.A. Dmitrievoi. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010. S. 317-327.